

Малахов Михаил Александрович

студент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

г. Санкт-Петербург

Садоян Юра Фарманович

студент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный

университет им. П.Г. Демидова»

г. Ярославль, Ярославская область

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГРУЗИИ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению особенностей криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии. В 2019 году в УК РФ была введена новая статья 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», которая предусматривает ответственность для лидеров криминальных группировок, руководителей преступных сообществ, в том числе «воров в законе». Такое нормативное решение породило множество правоприменительных проблем и доктринальных дискуссий. Авторы на опыте Грузии исследуют криминологические основания и нормативные особенности уголовно-правового запрета об ответственности организаторов и лидеров организованных преступных группировок.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, криминализация, уголовный закон Грузии, организованная преступность, преступное сообщество, преступная иерархия, криминальный лидер, вор в законе.

Наиболее детально вопрос о занятии высшего положения в преступной иерархии регулируется в грузинском законодательстве. Грузия стала первой страной на постсоветском пространстве, в которой был криминализован сам факт пребывания лица в указанном статусе. В Грузии, организованная

преступность для достижения собственных целей, имела возможность манипулировать любой властью и представляла для последней серьезную угрозу. В этой ситуации грузинский законодатель осознавал, что «воры в законе» и их криминальные группировки представляют опасность для государства, поскольку имеют существенное негативное влияние на происходящие в обществе процессы. Это обстоятельство требовало принятия нормативных мер по борьбе с данным явлением. Результатом данных мер стало принятие Закона Грузии №2354 от 20.12.2005 «Об организованной преступности и рэкете». В части 4 ст. 3 данного Закона содержится определение понятия «вор в законе». Под ним понимается «лицо, которое в любой форме осуществляет управление или (и) организацию «воровского сообщества» или с использованием методов деятельности «воровского сообщества» осуществляет управление или (и) организацию определенной группы лиц». Под «воровским сообществом», в ч. 1 этой же статьи, подразумевается «любая общность лиц, условившаяся осуществлять деятельность «воровского сообщества».

Также, в 2005 году в Уголовный кодекс Грузии [1] (далее – УК Грузии) была введена статья 223.1, в части первой которой устанавливалась ответственность за «членство в воровском сообществе» и наказание в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет, штраф или без такового, а в части второй устанавливалась ответственность непосредственно за «пребывание лица в положении «вора в законе» и наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет, штраф или без такового. Из вышеизложенного следует, что грузинский законодатель признает повышенную общественную опасность нахождения лица в статусе «вора в законе», а потому устанавливает для него более строгое наказание, нежели для лица, которое просто является членом «воровского сообщества». Это отражено и в примечании к указанной статье, в которой установлен специальный вид освобождения от уголовной ответственности для лица, являющегося членом «воровского сообщества», в то время как для «вора в законе» этот вид освобождения не применяется [2, с. 97]. Это повлекло за собой то, что многие

«воры в законе» экстренно переехали в другие страны и пытались управлять преступным миром Грузии оттуда.

Законом от 18.04.2018 №2152 в УК Грузии были внесены изменения в статью 223.1, сроки лишения свободы были увеличены – за членство «воровском сообществе» от семи до десяти лет, а за пребывание лица в положение «вора в законе» – от девяти до пятнадцати лет. Помимо этого, в УК Грузии были введена статья 223.2, устанавливающая ответственность за участие в «воровском сходе», и статья 223.3, устанавливающая ответственность за поддержку деятельности «воровского сообщества». В соответствии с данными, указанных в средствах массовой информации, в сообщении на сайте МВД Грузии говорится, что 2018 г. грузинская полиция задержала четырех воров в законе и 52 члена воровского мира, что на 477% больше по сравнению с прошлогодними показателями [3].

Следует отметить, что помимо уголовного наказания, в ч. 3 ст. 5 Закона Грузии №2354, для «воров в законе» предусмотрена такая мера ответственности, как конфискация имущества члена воровского сообщества, заключающаяся в его изъятии и передаче законному собственнику после удовлетворения законных интересов третьих лиц, а в случае невозможности установлении законного собственника – государству. Под указанным имуществом понимаются доходы, имущество или доходы от имущества члена воровского мира, членов его семьи, близких родственников или связанных с ним лиц при отсутствии документов или иных доказательств, подтверждающих их получение правомерными средствами [4, с. 9]. Подобными мерами, как справедливо отмечает М.Г. Козловская, наносится удар в самое уязвимое место организованной преступности – сохранности материально-финансовых активов, а преступная деятельность в значительной мере обесмысливается, поскольку теряет свою перспективу [5, с. 179].

Интересен тот факт, что введение в УК Грузии статьи 223.1 не было признано нарушением на международном уровне, в частности Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ). Дело заключалось в следующем: в 2007 г. гражданин Грузии по фамилии Ашларба был осужден в уголовном

порядке за то, что являлся участником «воровского мира» по части первой статьи 223.1 УК Грузии, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на семь лет. В своей жалобе в ЕСПЧ он указывал в контексте статьи 7 Конвенции, что эта норма уголовного закона не была достаточно точной или предсказуемой, чтобы он мог определить для себя, какие именно действия образуют состав преступления.

По результатам рассмотрения указанной жалобы ЕСПЧ постановил, что несмотря на то, что термин «воровской мир» не определен, влияние, оказываемое на грузинское общество воровским миром, не ограничено тюремным сектором, но и распространяется на широкие слои населения. Логическое обоснование решения принять конкретные законы, касающиеся преступного мира, состояло в том, чтобы помочь государству эффективнее бороться с этими опасными преступными синдикатами. Исследования и выкладки, предоставленные государством-ответчиком по вопросу о влиянии воровского мира, демонстрируют, что этот преступный феномен глубоко укоренился в обществе и что такие концепции, как «воровской мир» и «вор в законе», общеизвестны и понимаются обществом.

Помимо этого, ЕСПЧ указал, что законодатель Грузии прибег к использованию коллоквиализмов в юридических дефинициях, поскольку хотел, чтобы суть преступлений воспринималась легче широкой общественностью. При этом уголовно-правовая норма, по которой осужден заявитель, была частью более широкого законодательного пакета, включавшего Закон Грузии №2354, в котором разъяснены термины «воровской мир» и «вор в законе». Взятая во взаимосвязи с этим законом ч. 1 ст. 223.1 УК Грузии сообщает обычному человеку все необходимые составляющие элементы двух преступлений, относящихся к функционированию «воровского мира» Таким образом, если не через общее знание, то ссылкой на раздел 3 Закона «Об организованной преступности и рэкете» и при необходимой помощи адвоката заявитель мог бы легко предвидеть, что его действия могут влечь за собой уголовную ответственность по ч. 1 ст. 223.1 УК Грузии. ЕСПЧ выразил несогласие с доводами заявителя, в частности с тем, что

концепции «воровского мира» и «вора в законе» были полностью чужды гражданину Ашларба, особенно, как он заявил об обратном в своих письменных показаниях, данных в ходе национального расследования. Таким образом, ЕСПЧ постановил, что по делу заявителя не было допущено нарушения требований статьи 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой, никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое, согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву, не являлось преступлением [6, с. 56].

Таким образом, учитывая, что опыт борьбы грузинского государства с лицами, осуществляющими руководство преступным миром, был признан допустимым одним из самых высших международных судебных органов, данный факт в отечественной доктрине [7, с. 520] рассматривается как один из аргументов в поддержку введения в УК РФ статьи 210.1.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. №2287 // Законодательный Вестник Грузии. ЗВГ. – 1999. – №41. – Ст. 209. URL: <https://gov.ge/ru/document/16426?publication=234> (дата обращения 12.11.2021).

2. Соловьев О.Г. Техничко-юридические особенности регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания в Особенной части УК России / О.Г. Соловьев, А.А. Князьков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – №8. – С. 97–101.

3. Сколько воров в законе поймали в Грузии за 2018 г. URL: <https://sputnik-georgia.ru/incidents/20181221/243593888/Skolko-vorov-v-zakone-poymali-v-Gruzii-v-2018-godu.html> (дата обращения : 02.11.2021).

4. Грибов А.С. Ретроспективный характер, правовое содержание и формы уголовной ответственности как меры государственного принуждения / А.С.Грибов, Р.Ю. Смирнов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – №3. – С. 8–10.

5. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии / М.Г. Козловская // Вестник Омского университета. – 2018. – №2. – С. 177–180.

6. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии (жалоба №5554/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – №11. – С. 56–59.

7. Соловьев О.Г. Состав создания опасности в УК РФ: современное состояние и перспективы регламентации / О.Г. Соловьев, Ю.О. Гончарова // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар, 2021. – С. 518–525.